

Дюмон Н. Н.

ОСОБЕННОСТИ "СУБЪЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ" ЖОРЖА СИМЕНОНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/17.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 49-51. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

(вкусный-невкусный). Рациональная оценка подразумевает оценивание объекта, соотнося его с существующими в данном лингвокультурном сообществе стандартами или нормами, которые могут иметь разный характер: правовой, этический, эстетический, интеллектуальный, функционально-практический и т.д. Что касается эмоциональной оценки, то она представляет собой определенное восприятие человеком окружающего его мира и явлений, которые касаются личного мира говорящего, и которые он расценивает как важные для него. Эмоциональная оценка чаще всего носит сугубо субъективный характер и связана, прежде всего, с психологическими особенностями восприятия человеком окружающей его действительности [Болдырев 2002: 10-14].

Таким образом, оценочная категоризация носит преимущественно антропоцентрический, интерпретирующий характер и ориентирована на систему ценностей, мнений, стандартов, общих и частных оценок, которые выступают как основа для формирования оценочных категорий.

Проблема оценочной категоризации мира как проблема отношения мира и человека, индивидуально и субъективно познающего этот мир, относится к ряду вопросов, осмысление которых определяет онтологические ориентации человека в универсуме, а значит, требует нового осмысления в меняющейся ситуации на новом витке развития.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988. - 339 с.
2. Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сборник научных трудов. - Тамбов: ТГУ, 2005. - С. 16-39.
3. Болдырев Н. Н. Композиционная семантика. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. - Ч. 1. - 211 с.
4. Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. научных трудов. - Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. - 492 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985. - 228 с.
6. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств в выражении оценки в русском языке // Филологические науки. - М.: Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации, 1995. - № 3. - С. 67-79.
7. Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики. - М.: Изд-во МГОУ, 2003. - 140 с.

ОСОБЕННОСТИ «СУБЪЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» ЖОРЖА СИМЕНОНА

Дюмон Н. Н.

Ставропольский государственный университет

В начале XX века произошли существенные открытия в психологии. Особенно это касалось теории бессознательных механизмов психической деятельности.

Жорж Сименон стал самым читаемым писателем-реалистом XX века, специализирующимся на описании «людей без положения» в эпоху, когда господствовал элитаризм. Его роман - это больше, чем книга для потребления, это «стратегия удивления», как говорил Сартр и упражнения на размышление над загадкой. Но Сименон известен не только своими детективами о приключениях Мегре, но и автобиографическими произведениями, которые Ежен Симьон в своих исследованиях назвал субъективной литературой. Следует упомянуть такие труды как «Педигре» (1948), «Личные воспоминания» (1981), «Письмо для моей матери» (1974), «Мои повеления». Здесь писатель собрал свои размышления, воспоминания и замечания «о живом». Рассматривая вопрос о типе написания, необходимо поговорить о так называемых «я», стоящих за ним, о двух «я», о которых Пруст и Валери говорят: «я глубокое» («я чистое») и «я биографическое» («я поверхностное»).

Слово «автобиография» происходит от греческого «autys» - сам, «bios» - жизнь, «grapho» - пишу. Это такая форма биографии, где главным героем является сам автор произведения, пишется от первого лица и охватывает большую часть жизни автора. В истории автобиографии можно выделить четыре периода, которые не связаны между собой и совпадают с циклами исторического развития, а в частности, когда происходили значительные общественные потрясения и перевороты.

Первый период развития автобиографии приходится на конец эпохи античности и связывается с именем святого Августина.

Вторым периодом является Возрождение, которое способствовало творениям Бенвенуто Челлини, Дж. Кардано и М. Монтене и др. Третьим периодом стала эпоха Просвещения, время расцвета автобиографии как жанра. Его типичным представителем был Ж. Ж. Руссо. Пора четвертой волны автобиографий пришлось на начало XX века, отличительной чертой которой стало то, что было трудно выделить типичный для своего времени вид автобиографии. В эту эпоху выдающимися автобиографами были Г. К. Честертон, Т. Драйзер, А. Жид, Ж. П. Сартр.

С литературной точки зрения автобиографии различаются: 1) по соотношению физических и ментальных событий (сколько места отводится, с одной стороны, поступкам, наблюдениям и окружению автора, а с другой - его мыслям и переживаниям); 2) они различаются по разнообразию и широте затронутых в них проблем, что, в свою очередь, зависит от возможностей и жизненного опыта автора, от характера его интересов и кругозора; 3) имеются различия морального свойства, частично обусловленные некоторыми дополнитель-

ными факторами: «активностью» и надежностью памяти автобиографа, его честностью и объективностью, откровенностью, с которой он рассказывает о себе или выносит те или иные оценки; 4) они различаются по своим художественным достоинствам - по тому умению, с каким автор отбирает самое важное, организует материал, оценивает взаимосвязи причин и следствий и выявляет единый план за многообразием жизненных явлений. Цели автобиографии - представить жизнь (или ее часть) как некое целое, когда описываемые события отделены от настоящего неким временным промежутком и автор может отнестись к ним более или менее беспристрастно, а сами события успели приобрести в его глазах большую или меньшую осмысленность.

Изучая личные заметки Сименона, Е. Симьон обнаружил, что писатель не знал об этом разъединении, обозначившем эстетизм двадцатого века. На страницах его исповеди не встречаются заметки, характерные для личных дневников или мемуаров: у него нет теории о биографических жанрах и он даже не задается вопросами о цели написания, как это делают обычно писатели в стиле личного дневника, мемуаров или автобиографических эссе. Что представляют собой эти откровения? Для автора ясно только то, что они не принадлежат литературе. У него в этом нет никаких сомнений: «Это не для литературы; в целом, это всего лишь мысли, которые приходят в голову старому человеку, постепенно, день за днем, и даже несколько рассказов о том, как я провожу время. Говоря другими словами, это совсем ничего, потому что это не принадлежит никакому жанру». Однако же, его «Волеизъявления», его дневники, мемуары принадлежат все же к определенному жанру, действительно разнородному, согласно теории литературы это исповедь или «субъективная литература».

Почти все великие авторы личных дневников столетия (от Гида до Юнгера) все время следят за соблюдением принципов личных записок (хронология, естественность, секретность и т.д.). Сименон за это не беспокоился. Он пишет (диктует) все, что приходит ему в голову, чтобы «освободиться» от некоторых мыслей и не допустить, чтобы они стали наваждением. Он не боится повторений, не стремится к литературным эффектам; единственная причина его размышлений, историй - это освободить себя от своих тревог, сомнений и т.д. Таким образом, они играют целительную роль, миссию «спасения».

Жорж Сименон пишет или диктует для того, чтобы избежать плохих мыслей и чтобы они не перешли в наваждение, говорит все... Нет, таким образом, ни малейшей возможности узнать в личных записях самого читаемого прозаика 20 столетия сознательную или несознательную теорию о жанре личного дневника или мемуаров, однако, в котором он усердно упражняется.

История личных записей Сименона намного длиннее. Она начинается в 1941 году, когда он начинает писать для своего двухлетнего сына Марка. Причины педагогические, причины семейные, причины оправданные, слишком нелитературные... Исповедь приобретает форму писем. В 1948 году следуя совету Жида, Сименон переписывает текст от третьего лица и превращает свою семейную жизнь в художественную литературу.

В 1965 году он вернется к субъективному повествованию (от первого лица) в «Письме для моей матери». Он будет настаивать на нем в серии своих «Волеизъявлений» и, в самом значимом его труде этой категории «Личные воспоминания» (1981).

Первая особенность субъективной литературы Жоржа Сименона: когда он не составляет волеизъявления, он исповедуется в письмах, в которых всегда определенный адресат (сын Марк, мать, дочь Мари-Джо, затем другие дети: Джонни, Пьер). Но нет никаких сомнений, что эпистолярные сочинения имеют адресатом публику.

Это письма, но они воображаемые, в стиле повествования, свойственного мемуарам, полного жесткости, вдохновения и нежности (особенно, когда речь идет о Мари-Джо). Они открывают сложного прозаика, тяжело воспринимаемого по форме написания, подавляющего, с нетипичным и богатым воображением, наконец, творца, жизнь которого порой невыносима. Можно было бы даже сказать, что субъективная литература Сименона внушает образ совершенно исключительного персонажа, персонажа воспитательного романа, и, в особенности, нравственного романа.

Воспринимая и переживая мир в движении, Сименон противостоит ему в собственном стиле. Прежде всего, на письме. Он пробует многочисленные жанры романов во всех стилях и во всех направлениях. Он пытается писать «серьезный роман» или автобиографический. В личных записях нет почти ни слова о дилеммах, стоящих перед писателем, и почти ничего о его мыслях по поводу литературы. Это часто встречающаяся тема у авторов личных дневников, мемуаров, автобиографов. Сименон не увлечен подобными вопросами.

В «Письме для моей матери», Сименон вновь выделяется: он не любит свою мать, но обожает отца. Это не единственный нетипичный момент в поведении прозаика. Письмо, адресованное человеку, который больше не сможет его прочесть (его мать уже умерла), - это исповедь о несчастном детстве и отношениях (с матерью), лишенных любви. Но в конце, он находит резервы любви у изголовья умирающей матери, которые она неуклюже выражает и «Письмо для моей матери» заканчивается ноткой нежности.

«Волеизъявление» трудно отнести к определенному жанру, так как у них нет четкой структуры. Время повествования - ни настоящее, ни прошедшее. Сименон смешивает их в непредсказуемой манере, перепрыгивает от одной темы к другой, от него самого («рассказ о личном») до внешнего мира («внешнее»), пишет зигзагообразно, начиная с описания солнечного утра, чтобы приступить к истории своего детства. Он делает шокирующее признание, всегда против главного движения, избегает психологического анализа и, в целом, концептов. Обрисовывается запоминающийся персонаж.

Писатель, который ничего не усложняет, откровенно говорит то, что думает, наконец, это человек, сформированный для «школы жизни». Если и есть еще непотерянная вера, то это «вера в жизнь», как он позже признает. Прозаик сильно любит жизнь, он не отчаявшийся и не бесчувственный человек. Когда он пишет, он не думает ни о себе (авторе), но о приемах написания. Он думает только об «истории», которую рассказывает. Например, Сименон размышляет о любви. Через шестьдесят лет любовь кажется ему «излечимой болезнью». Это возможность поговорить со своей спутницей Терезой, которой 49 лет, а ему семьдесят три года. Сименон, никогда не ... женщин, которые появлялись в его жизни, стал нежным возлюбленным. Он не любит брак как институт, хотя у него было две супруги и четыре ребенка. Отсюда, можно заметить, что семья существовать даже за пределами брака.

В 1981 году появляются «Личные воспоминания», на которых сосредотачивается автор и дает иное выражение тому, что он ранее разбрасывал в небрежной и бессистемной манере в «Волеизъявлениях». В жанре мемуаров той эпохи эта исповедь может рассматриваться как точка отчета. «Личные воспоминания», не отличаясь по форме существования и в тоже время исповедь, которая по своей степени выразительности, оригинальности конструкции приобретает литературную значимость. Это книга об отцовской любви и страданиях, где Сименон нашел адекватный стиль, прямой, полный жестокости и правды, и поэтому, очень содержательный.

Повествование, специфичное для мемуаров, не следует строгой хронологии. Этот стиль имеет свою дерзость. Автор говорит, например, с большой горечности о своих супружеских изменах и, в целом, о приключениях в этой секретной области. Искренность Сименона приемлема, его исповедь, полная скверных для морали фактов, не оскорбляет, она принимается читателем со снисходительностью, даже с симпатией. Более того, Сименон не ограждается от детей, рассказывая о своей неверности. В целом, под влиянием психоанализа, двадцатый век отверг все табу.

Сименон является ярким противником запретов, не будучи фанатиком психоанализа. Оригинальность Сименона состоит в самораскрытии перед читателем и перед своими детьми. Ему не стыдно писать то, о чем другие мемуаристы, достигшими старости и посвятившие себе в свое дело, отказываются говорить. Такая биография не несет в себе ничего мифологического, не уважая каноны жанры.

Литература - это не тема Жоржа Сименона. И даже не литературная жизнь. Он придерживается мнения, что «мое я ненавистно», но тем не менее, возвращая свое «я» без самоотречения. Центральный персонаж - это, конечно же, Сименон. В «Личных воспоминаниях», он - дерзкий, не поглощенный теоретическими вопросами; любитель земных благ и равнодушный к общественной морали; добрый отец семейства, но плохой супруг из-за своей неверности, напряженно работающим в сфере литературы и в тоже время не доверяющий элитным кругам литературного мира.

Это персонаж изменил век, оставил после себя книги, которые долгое время считались второстепенным сортом.

Таким образом, Жорж Сименон - это великий творец и его личные записи является примером в своем жанре, по своей оригинальности и нетипическому характеру.

Список использованной литературы

1. **История всемирной литературы.** - М.: Наука, 1988.
2. **Сименон Ж.** Воспоминание о сокровенном // Серии «Мой 20-й век». - Изд-во «Вагриус», 2003.
3. **Simion E.** Les "moi" de Georges Simenon, le passager du siècle. - Bruxelles: Académie française du Belgique, 2007.

ТИПЫ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК

Ефимова С. В.

Российский университет дружбы народов

В произведениях художественной литературы, газетных текстах наряду с фразеологическими единицами (далее: ФЕ), используемыми в своей исходной, «классической» форме, можно встретить ФЕ, подвергшиеся индивидуально-авторской трансформации. Целью использования модифицированных ФЕ является, на наш взгляд, как оказание эмоционального воздействия на читателя, так и выражение оценочного отношения автора к фактам, событиям или персонажам произведения. Кроме того, окказиональные преобразования пословиц и поговорок могут быть вызваны желанием «оживить» стереотипный образ общеизвестных выражений, придать тексту личностный смысл. Именно потускнение образа, штампованность ФЕ побуждает говорящего к окказиональным изменениям ФЕ, к стремлению обновить образ» [Кунин 1970: 124].

К числу авторских преобразований, в результате которых подчеркивается ассоциативное значение фразеологизмов (почти не воспринимаемое иначе), относятся, в частности, следующие приемы:

1) **Введение во фразеологический оборот новых компонентов**, семантически соотнесенных с прямым значением, т.е. со значением исходного переменного словосочетания. Например, английский фразеологизм *to put the cart before the horse* - *делать все наоборот, дословно: впрягать лошадь позади телеги*, подвергается следующему преобразованию: *"Let's not put the cart too far ahead the horse"* [Gardner]. Испанское устойчивое сочетание *perro viejo* означает «опытный человек, стреляный воробей, тертый калач». В литератур-